

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

15. — ПРОТИВУПОЛОЖНЫЯ ОЦѢНКИ ПЕРВОЙ ДУМЫ.—МОЯ РОЛЬ В ДУМѢ. — КОКОШКИН И ВИНАВЕР. — БЕСѢДЫ С КРЕСТЬЯНАМИ - ТРУДОВИКАМИ. — АЛАДЬИН. — КРИТИКА АВТОНОМИСТОВ. — ОПАСНАЯ ТАКТИКА БОЛЬШЕВИКОВ И МОЯ ПОДДЕРЖКА МЕНЬШЕВИКОВ В ПОЛЕМИКѢ С НИМИ.

В солнечный день открытія Государственной Думы 27 апрѣля, я не был в числѣ моих друзей, присутствовавших при царском выходѣ, «обставленном всей пышностью придворнаго этикета и сильно рѣзавшем непривычный к этому русскій глаз», — по свидѣтельству С. Е. Крыжановскаго. Но глаз вѣрнаго слуги режима рѣзала также, на этом фонѣ блеска, беспардонная «толпа депутатов в пиджаках и косоворотках, в поддевках, нестриженные и даже невытые». Умному чиновнику сразу стало видно, что «между старой и новой Россіей перебросить мост едва-ли удастся»... «Ужас!.. Это было собраніе дикарей»... Судьба Думы в этом отзывѣ из рядов защитников «старой Россіи» была предрѣшена.

А с другой стороны, — вот сужденіе историка о значеніи Думы для «новой Россіи». Ключевскій писал Кони: «Я вынужден признать два факта, которых не ожидал. Это — быстрота, с какой сложился в народѣ взгляд на Думу, как на самый надежный орган законодательной власти, и потом — безспорная умѣренность господствующаго настроенія, ея проявленнаго. Это настроеніе авторитетнаго в народѣ учрежденія умѣреннѣе той революціонной волны, которая начинает нас заливать, и существованіе Думы — это самая меньшая цѣна, какою может быть достигнуто безкровное успокоеніе страны».

В первой Думѣ, если угодно, было все: и «дикари», введенные в нее, однако-же, самим правительством по закону 11 декабря, и «революціонная волна, заливавшая» Россію, и проявленная «гос-

подствующим настроеніем» большинства «умѣренность», и связанная с этим перспектива «успокоенія страны» при условіи продолженія существованія Думы. Это был сложный и дорогой инструмент, нуждавшійся в умѣлой рукѣ. Его разбила рука подлинных «дикарей» сверху.

Я ждал у ворот Таврическаго дворца торжественнаго вступленія депутатов — по возвращеніи их по Невѣ из Зимняго дворца в старый дворец Потемкина. По пути «новая Россія» из за рѣшетки «Крестов» махала им платками и требовала «амнистіи». А в залѣ Таврическаго дворца ждал их чиновничій формализм и министрскій бойкот...

Я не попал в Думу из-за недостаточности моего квартирнаго ценза. Тот же Крыжановскій выражал сожалѣніе по поводу моего (второго) «раз'ясненія»; по его мнѣнію, я «был вреднѣе внѣ Думы, чѣм в Думѣ». Он был увѣрен, как и другіе, что я «дирижировал Думой из буфета». Это была одна из легенд, сопровождавших мою біографію. Я, конечно, поддерживал тѣснѣйшую связь с нашей парламентской фракціей и постоянно участвовал в ея засѣданіях на правах члена центрального комитета. В «буфетѣ» у нас был общій стол, за которым в часы завтрака, в виду перегруженности думской работой, мы каждый день спѣшно рѣшали текущіе вопросы тактики. Во время засѣданій Думы у меня было мѣсто на хорах, в предсѣдательской ложѣ, или внизу, в ложѣ журналистов, налѣво от ораторской трибуны. Отсюда, в случаѣ надобности, можно было немедленно общаться с депутатами. Все же, надо было знать состав Думы и настроеніе фракціи, чтобы не повѣрить в мое «дирижированіе». Если бы даже я был депутатом и хотѣл «дирижировать», то это было-бы неосуществимо. Не буду отрицать, что я имѣлъ дѣйствительное вліяніе; но оно далеко не было таково, чтобы сдѣлать меня отвѣтственным за поведеніе Думы. Да и сама фракція, при всей своей численности, политической подготовкѣ, талантливости и познаніях многих ея членов, не могла бы нести этой отвѣтственности.

Моя роль, прежде всего, опредѣлилась моей личной близостью к нѣскольким вліятельным членам Думы, принадлежавшим к центральному комитету партіи, — Петрункевичу, Кокошкину, Винаверу, Родачеву. Петрункевич стоял над нами всѣми, пользовался глубоким уваженіем, как «патріарх» направленія и живая совесть партіи. Но он уже не мог нести страшно утомительной еже-

дневной думской работы, быть постоянно на чеку при всѣх поворотах настроенія в залѣ засѣданій, вести регулярныя сношенія с другими группами Думы, нюансировать и дозировать участие фракціи в общих рѣшеніях, формулировать резолюціи и подготавливать голосованія. Не могла и фракція в цѣлом слѣдить с часу на час за этим калейдоскопом. В особенности в началѣ сессіи, когда Дума еще не с'организовалась и депутаты не узнали друг друга, — на роль отвѣтственных лиц естественно выдѣлились вчерашніе партійные руководители. В нашей фракціи это были Кокоскин, Винавер и я, — скорѣе даже двое послѣдних, так как Кокоскин часто болѣл, и его мысль работала, главным образом, в сферѣ общих и принципиальных вопросов. При упомянутой уже перегруженности работы, длившейся иногда за полночь, — а иногда и всю ночь, — приходилось часто принимать рѣшенія немедленно, втроем или вдвоем — разумѣется, на основѣ предшествовавших постановленій фракціи или с послѣдующим докладом ей. Но зато вся дѣятельность фракціи носила характер единства и сплоченности — качества, которые и дали возможность фракціи выдвинуться на первое мѣсто в Думѣ.

В другом мѣстѣ я отмѣтил, что Винавер подходил к нашей общей работѣ, как юрист и адвокат, я — как историк. Гибкій и сильный ум Винавера сразу схватывал особенности положенія, а его литературный талант помогал найти чеканную формулу, обходящую острые углы и сглаживавшую разногласія, под прикрытіем приподнятаго тона, удивительно подходившаго к торжественному стилю резолюцій первой Думы. Меня больше интересовали не отдѣльныя положенія и тактика дня, а тѣ общія политическія тенденціи, с которыми приходилось не столько мириться, сколько бороться, считаясь с настоящим, но готовясь и к будущему. Мы очень хорошо дополняли друг друга. Тонкое описаніе непрерывно возникавших, разрѣшавшихся и вновь возбуждавшихся «конфликтов в первой Думѣ» в извѣстной книгѣ Винавера изображает во всѣх подробностях эту нашу ткань Пенелопы — или Сизифов наш труд.

Фракція народной свободы представляла замѣчательный отбор лучших людей из земства, интеллигенціи и свободных профессій тогдашней Россіи. Один факт ея исключительнаго по образовательному, умственному и нравственному уровню состава наглядно доказывал бессиліе любого избирательнаго закона парализовать наличность сильнаго общественнаго настроенія. Преобладаніе

в нашем составѣ дворянства, неслужилого и по большей части безземельнаго, лишь подчеркивало неклассовый характер партіи, сердившій, раздражавшій и вызывавшій подозрѣнія у открытых защитников классовых интересов справа и слѣва. Кажется, такія партіи только и могут существовать в началѣ парламентской жизни, свидѣтельствуя о ея непорочной молодости. Потом — опыт учит другому...

С твердыми идейными убѣжденіями у нас естественно связывались оптимизм и переоцѣнка возможности скорой реализаціи наших задач, — а с оптимизмом соединялась и готовность каждаго из нас на личную жертву для немедленной побѣды права и правды в настоящем. Эти чувства несомнѣнно связывали фракцію с лѣвыми настроеніями. Но ея политическая подготовка спасала ее от их утопизма и настраивала враждебно к их демагогіи. Для фракціи парламентская дѣятельность была не средством, а ближайшей цѣлью сама по себѣ; служеніе народу выражалось в напряженіи всѣх знаній и сил для добросовѣстнаго выполненія депутатских обязанностей в Думѣ. «Организацію масс» фракція понимала, прежде всего, как необходимую и заслуженную поддержку народом его избранников в ея парламентской борьбѣ на пользу народа. Все это противорѣчило общепринятым аксіомам лѣвых партій и безудержной фразеологіи их ораторов.

Были, однако, у нас и исключенія. Мой старый профессор Герье, учившій нас в университетѣ французской революціи по Тэню, издал в тѣ годы ученый памфлет, уличавшій именно ораторов народной свободы в ультра - лѣвых импровизаціях. Я читал эту тенденціозную книжку с негодованіем и раздраженіем: неужели мы *это* говорили? Но цитаты были по-профессорски точны; Герье выудил преступныя фразы членов фракціи из стенографических отчетов Думы. Там онѣ тонули в массѣ, здѣсь были собраны в цѣлый букет, и на нем педантически - строго построен обвинительный акт. Да, *говорили*, в самом дѣлѣ, грѣшны... Нас бы меньше бранили слѣва, если бы мы говорили их чаще...

В первыя недѣли дѣятельности Думы мы далеко еще не размежевались; депутаты только-что распределялись по группам. Так как выборы происходили, за исключеніем к. д., а потом с. д., не по партіям, то очень многіе депутаты только в Думѣ самоопредѣлились политически. Иные — особенно боявшіеся начальства крестьяне — предпочитали до конца оставаться в «безпартійных». Скоро,

во всяком случаѣ, выяснилось, что наша побѣда была не такой уже полной, как сторяча казалось. Кадетов было 153 (34%) — т. е. около трети Думы. Потом это число выросло до 179 (т. е. 37,4%). По содѣйствию с нами выкристаллизовалась группа из 107 членов, для которой ея руководители выбрали названіе «трудовой». Вдвоем мы уже составляли большинство (57%). Но это была группа очень пестрая, и ея вожди тянули ея в противоположныя стороны. Если там было 20 членов «ближе к к. д.», то такое же число было с. д. и с. р. Вопрос рѣшался тѣм, куда повернут 48 «трудовиков», отмѣтивших себя «безпартийными» или вовсе уклонившихся от отмѣтки. Это были крестьяне (не тѣ — правые, которые отмѣчены выше). За крестьян и шел между фракціями главный бой. Правительство сразу увидало, что его расчет на «сѣреньких», которые составят «министерскую партію», не удался. Попытка устроить для крестьян особый пансіон под завѣдываніем нѣкоего Ерогина ни к чему не привела; эту квартиру в шутку называли «живопырной». Успѣшнѣе работали народники в своей маленькой квартиркѣ против вокзала на Невском. Крестьяне пока только высматривали и приглядывались. Их лидерами оказались трое лѣвых — Аладьин, Аникин, Жилкин. Они и вели сношенія с нами тремя: Кокошкин, Винавер и я.

Из них мнѣ хорошо был извѣстен по лондонским воспоминаніям Аладьин. Вмѣстѣ с своей гражданской женой, болѣе талантливой и энергичной, Фалькнер, потом выдвинувшейся у большевиков, он был постоянным посѣтителем журфиксов, которые устраивала у себя жена И. В. Шкловскаго, Зинаида Давыдовна. Там мы, сообщая ей, дурачились над Аладьиним, поднимая его на смѣх. Он честно зарабатывал хлѣб, сводя, в качествѣ бухгалтера, счета у мелких лавочников в Вайтчалелѣ. Но было что-то комическое в его надутой серьезности, что и вызывало град насмѣшек со стороны хозяйки. Он выворачивался неуклюже, как-то по медвѣжьи. И никак я не мог предполагать, что встрѣчу его в новой позѣ развязнаго трибуна первой Думы, в качествѣ лидера трудовиков. Его рѣчи были до-нельзя грубы, нахальны и дерзки. Это он погрозил министрам, что не ручается за их безопасность, если они вернутся на кафедру — вызвав тѣм негодующую реплику Набокова. Послѣ одного из первых выступленій этого рода он пришел ко мнѣ на квартиру и, развалясь на диванѣ, спросил тоном, недопускающим возраженій: «ну что, какво»? Я ему отвѣтил в том же тонѣ:

«очень скверно» и приступил было к объяснениям. Он меня перебил. «Вы не понимаете. Так теперь надо. Вы еще увидите, что будет»... Он, действительно, скоро прославился на всю Россию, окончательно увёрвал в свою роль и проникся совершенно невыносимой самоуверенностью и апломбом. Двое других были люди скромные и совѣтливые: с ними можно было разговаривать по душѣ.

Наше отношеніе к трудовой группѣ было самое предупредительное и на первых порах встрѣтило с ея стороны дружественный отклик. Не имѣя кандидата в товарищи предсѣдателя, трудовики сами предложили на эту должность члена нашей фракціи Гредескула. К этому времени относятся и мои попытки войти в контакт с трудовиками. Меня выбирали предсѣдателем совмѣстных засѣданій с ними — в самые отвѣтственные моменты совѣщаній о первых шагах в Думѣ. Предварительное обсужденіе отвѣта на тронную рѣчь происходило в совмѣстных собраніях двух наших вышеназванных «троек». Я предсѣдательствовал и в соединенном засѣданіи групп по вопросу о выраженіи недоувѣрія министерству — и намѣренно склонил собраніе в пользу принятія формулы, предложенной трудовиками. По конфликту из-за непринятія царем депутата с адресом, трудовая фракція согласилась выслушать меня и склонилась, послѣ моих объясненій, к болѣе умѣренной формулѣ к. д. В «конфликтах» Винавера я нашел порадовавшее меня свидѣтельство, что я «тогда был популярен» в трудовой группѣ и что крестьяне даже выражали «сожалѣніе», что у нас-де нѣтъ такого, чтобы так ясно и умно излагал. Я сам почувствовал, послѣ этого опыта, что могу просто и убѣдительно объясняться с крестьянами — без посредничества их «лидеров». Крестьяне были и в нашей фракціи и составляли в ней 6%: солидный, дѣльный тип из сѣверных губерній. Бесѣдовать с ними было для меня истинным наслажденіем.

Скоро, однако, эта первая стадія прошла. Возобладало в трудовой группѣ вліяніе партійных интеллигентов. Началась систематическая травля партій к.-д. на бурных петербургских публичных собраніях. Но этот тон, видимо, отталкивал думских крестьян. Они успѣли познакомиться с разными проектами аграрной реформы, отвергли с-ровскій проект и, видимо, предпочитали наш кадетскій. Тяга к нам еще усилилась, когда пріѣхали с Кавказа социал-демократическіе депутаты и, не довольствуясь внутренней парла-

ментской борьбой, развили пропаганду тактики революционной борьбы внѣ Думы. Крестьяне, наконец, рѣшили выйти из трудовой группы. Не смѣя открыто присоединиться к к. д., они образовали особую «крестьянскую» фракцію, в составѣ 40 членов. Эта перемѣна общала измѣнить всю политическую физиономію Думы; но это был уже канун роспуска. Правительство предпочло об'явить всю Думу, по выраженію министра Шванебаха, «новым совѣтом рабочих депутатов или союзом союзов». Шванебах был одним из ярых сторонников скорѣйшаго роспуска Думы.

Тогда-же мнѣ пришлось опредѣлить свое отношеніе и к третьей думской группѣ, «автономистов», наиболѣе численной послѣ первых двух (14%). Помимо своего основного ядра, она включала также членов других фракцій, принадлежавших к нерусским національностям: в том числѣ и к. д. Основное ядро группы, 63 члена, было очень компактное: 43 члена принадлежали к польскому колу и к представителям сѣверо - западных и юго - западных губерній. Это были очень состоятельные, частью крупные землевладельцы. Коло внесло, между прочим, свой проект автономіи, несогласованный с предположеніями к.д. Литовцы, латыши и украинцы составили еще 16 членов ядра. Путем присоединенія членов других фракцій оно удвоилось в числѣ.

Я указал тогда же в печати на усложненія, которыя должно было вызвать образованіе новой группы, если она будет сильна. Вопросы національные отодвинули бы тогда вопросы социальныя и конституціонныя, стоявшіе у нас на первой очереди, спутали-бы вопросы равноправія с вопросами національнаго государственнаго права, смѣшали-бы по необходимости, при общей групповой постановкѣ, всѣ различія между минимумом и максимумом требованій различных національностей, неодинаково подготовленных к самоуправленію, а все вмѣстѣ взятое пропорціонально ослабило бы дѣятельность остальных парламентских групп. Я об'яснял также, что до общаго очищенія политической атмосферы національные вопросы, все равно, не могли получить надлежащаго разрѣшенія. Всѣ эти опасенія не осуществились вслѣдствіе пассивности этой пестрой группы. Но мои возраженія не означали, конечно, что фракція забыла о національном вопросѣ. Когда поляки обезпечились по поводу умолчанія о польской автономіи в отвѣтѣ Думы на тронную рѣчь, А. Р. Ледницкій обратился ко мнѣ с открытым письмом по этому вопросу, и я отвѣтил таким-же открытым

письмом в газетѣ, подтвердив, что партія отнюдь не измѣнила своего взгляда на рѣшеніе польскаго вопроса. Тот-же Ледницкій в своей статьѣ о «національномъ вопросѣ в первой Думѣ» отмѣтил многочисленныя выступленія членов фракціи к. д. по этому вопросу, признавъ, в заключеніе, что «лишь в партіи» к. д. всѣ нерусскія народности могут «найти дѣйствительную опору и поддержку».

Переходя от возможных наших союзников к противникам, я никак не могу поставить на первое мѣсто в их ряду правое крыло первой Думы, худосочное и безсильное. Наиболѣе рѣшительные враги этого рода остались внѣ Думы; черносотенныя телеграммы о разгонѣ Думы находили пріютъ в «Правительственномъ Вѣстникѣ». «Безпартійные» мужички и священники прислушивались и к нам, и к лѣвым, но, конечно, боясь преслѣдованій, не могли открыто проявлять свои тайныя симпатіи. Нѣсколько октябристов, попавших в Думу, были сконфужены своимъ названіем и переименовались в «мирное обновленіе», присоединив к себѣ и немногих «демократическихъ реформаторов» - индивидуалистов из политическихъ клубов. Большею частью они голосовали вмѣстѣ с нами, хотя, иногда, и удивляли нас политическими сюрпризами. Главнымъ врагом — и не только нашим, а всей Думы, как учрежденія, были тѣ, кого мы принуждены были заключить в условныя кавычки, как сомнительных и опасных «друзей слѣва». Это они несут перед исторіей главную отвѣтственность за вторичную (послѣ декабря 1905 года) гибель всего нашего общаго дѣла. Внутри Думы они, из-за своего-же неудавшагося бойкота, были слабо и безлично представлены. Только в концѣ, по пріѣздѣ кавказскихъ с.-д., взявшихъ палку в руки, они развернули свою тактическую работу. Но тут они были связаны, — если не в своихъ рѣчах, то в своихъ парламентскихъ пріемах, — тѣсными рамками учрежденія и наказа Думы. В «конфликтахъ» Винавера можно прочесть, как мы выходили из ихъ мелкихъ сравнительно уколовъ и обезвреживали ихъ замыслы. В первой Думѣ это было еще возможно.

Гораздо серьезнѣе и опаснѣе была митинговая и газетная пропаганда крайнихъ фланговъ социалистическихъ партій внѣ Думы, направленная, главнымъ образом, противъ думской фракціи народной свободы. Ихъ тактика, однако же, и тут осложнялась острой полемикой с своими же, болѣе умѣренными собратьями - меньшевиками. «Объединительный» стокгольмскій с'ѣздъ никого не объединилъ. Борьба большевиковъ с меньшевиками продолжалась на тѣхъ же по-

зиціях, как и прежде. Меньшевики были сильны продуманностью своей аргументаціи и опытом недавних большевистских провалов. Но большевики, попрежнему, отвѣчали на всѣ их сложныя разсужденія демагогическими призывами к примитивным инстинктам массы. Когда Плеханов совершенно правильно уличал большевиков в «бланкизмѣ», мнѣ пришлось замѣтить ему, что именно «бланкизмом» и было сильно в прошлом русское революціонное движеніе. «Бланкизм есть интеллигентская революція!» — Да, но она опирается на «новые приливы» общественнаго настроенія и в промежутки между провалами снова гипнотизирует массу. Приходилось признать и то, что «новый прилив» есть очередной факт жизни и что он опять грозит всѣм нам новым пораженіем. Я повторял свои прежнія наблюденія: боевое настроеніе масс «было правѣ господствующей в Думѣ партіи в январѣ; оно поднялось до настроенія этой партіи во время выборов в Думу и теперь поднялось дальше, в том-же направленіи»...

Меньшевики были отгѣснены пропагандой этих настроеній — почти до позиціи кадетов. В «Нашей Жизни», «Дѣлѣ Народа», «Невской Газетѣ» мы встрѣчали нѣкоторую поддержку. «Курьер» печатал статьи Плеханова и Потресова: «Эхо» и «Голос Труда» требовали отсрочки «боевой организаціи» — против проповѣди с-р-ов, которые, устами воскресшаго Хрусталева, уже призывали к возстановленію «Совѣта рабочих депутатов». На столичных митингах большевики одерживали над меньшевиками такія-же побѣды, как над «кадетами»; так же не давали говорить их ораторам, так же обвиняли их в «контр - революціонности». Борьба между двумя теченіями особенно ярко выразилась в конфликтѣ центральнаго комитета партіи с ея петербургским комитетом. Меньшевики из Ц. К. на с. д. митингах предлагали требовать замѣны правительства министерством из думскаго большинства; они трактовали к.-д. и трудовиков Думы, как одно цѣлое, и от всей Думы, как учрежденія, ждали подготовки «дальнѣйшаго шага в борьбѣ». Напротив, большевики петербургской группы признавали Думу «безсильной» и «неспособной к рѣшительной борьбѣ», предлагали отколоть трудовиков от «либеральных партій», внушив им «болѣе рѣшительную политику» и «обострив конфликты внутри Думы», на почвѣ «требованія от Думы открытаго обращенія к народу». Дальнѣйшее рисовалось петербургскому комитету, как возвращеніе к декабрьской тактикѣ: «сверженіе власти совмѣстными дѣйствіями рабочих и

крестьян» и «подготовка к этим дѣйствіям, пока не придет рѣшительный момент революціоннаго выступленія». Напрасно Плеханов старался убѣдить своих лѣвых коллег, что «подавляющая масса крестьян о возстаніи, направленном к завоеванію власти, не хочет и слышать и пока еще пролетаріата на этом пути не поддержит, а поэтому нелѣпо стараться обойти «либералов» и водрузить путем «активнаго выступленія» знамя диктатуры пролетаріата. Напрасно он об'ясняя им, что, дискредитируя Думу, они тѣм самым поддерживают Горемыкина, который не будет дожидаться, пока народ придет на выручку, а просто разгонит Думу. Большевики твердили свое: «народу придется все взять самому; дѣло идет к рѣшительной борьбѣ внѣ Думы»... Тут уже не только предрѣшался разгон первой Думы, но и намѣчалась тактика второй.

С этой самой цѣлью, очевидно, им удалось подsunуть трудовой группѣ предложеніе, конфузливо внесенное ею 26 мая: «организовать на мѣстах комитеты, избранные всеобщим избирательным правом, для обсужденія аграрнаго вопроса». Аладьян, с обычной своей прямолинейностью, пояснил цѣль внесенія. «Нам нужно создать в странѣ ту силу, которая даст нам возможность побѣдить... Мы хотим привести русскій народ в то движеніе, которое остановить невозможно». С согласія того же Аладьяна, предложеніе было благополучно сдано в комиссію. Но в печати спор разгорѣлся. И мнѣ пришлось особенно настойчиво высказаться против тактики лѣвых, вернувшись опять и опять к той-же главной темѣ наших споров: через Думу или мимо Думы. «Здѣсь наши дороги расходятся», повторяя я нашим «друзьям слѣва». «Мы не вѣрим в возможность организованнаго выступленія масс в настоящій момент, и потому нисколько не хотим ни «поднимать ада», ни помогать нашим друзьям совершать тѣ подготовительныя мѣры, которыя, по их мнѣнію, могут им пригодиться для достиженія этой цѣли... Как ни непрочна на первых порах ткань конституціоннаго правосознанія, — эту ткань мы хотим укрѣплять, а не возвращаться вспять к стихійной силѣ Ахерона». Об этой нашей тактикѣ, к сожалѣнію, забывают, когда обсуждают роль к. д. в проведеніи Выборгскаго воззванія.

«Ткань», конечно, оказалась очень непрочной и об'единеннаго напора черносотенцев и большевиков, в концѣ концов, не выдержала. Неожиданно, в совсѣм иной обстановкѣ, выплыл проект «обращенія к народу», — настойчиво рекомендовавшійся слѣва, — и

конституционная «ткань» была грубо разорвана. Но об этом рѣчь впереди.

Разсчитывали ли наши «друзья слѣва» на возможность «разгона Думы» в результатѣ их близоруких усилий? Говорилось об этом неоднократно,—но гордо заявлялось при этом, что этого исхода «бояться не слѣдует». В противоположность меньшевикам, большевики сразу утверждали двѣ противоположныя крайности. То — «Дума безсильна»; то, наоборот, она достаточно сильна, чтобы прогнать министров и декретировать всѣ нужные законы. То — «мобилизація всенароднаго мнѣнія и воли» есть *средство*, чтобы оказать «внѣпарламентское давленіе» на Думу; то Дума есть *средство*, а *цель* — организація воли народа. По одному варианту Дума *должна* «объявить министерство внѣ закона» и сама представить царю свой список министров. По другому — «крестьяне *должны* настоять на немедленном созывѣ аграрных комитетов». В самой Думѣ трудовая группа объявлялась, смотря по надобности, то «мелкой буржуазіей», то «революціонным элементом».

Лозунг «беречь Думу» не был в употребленіи в первой Думѣ. Его усвоили лѣвые — только во второй. В первой Думѣ старались «сберечь Думу» только одни кадеты. Естественно, что задача оказалась для них непосильной.

П. Милюков.